

18+

Ана Стриана

ЛЕС

Ана Стриана Лес

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44073715

ISBN 9785005038609

Аннотация

В Д-Республике нельзя надеяться и мечтать, можно лишь выплачивать долг. Единственный способ избавиться от него – уйти в Лес. Контент-криэйтор Альберт – один из немногих, чье материальное положение позволяет покинуть страну. Но прогулка по Лесу заканчивается для него принудительным опекунством над молодой девушкой. Пока расчетливый Альберт и импульсивная Эрика пытаются ужиться, Верховное Правительство закрывает границу. И теперь Альберту придется пойти на крайние меры ради собственного счастья.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	37
Глава 6	46
Глава 7	55
Глава 8	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Лес

Ана Стриана

© Ана Стриана, 2020

ISBN 978-5-0050-3860-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Лес скрипел, гудел и стонал, всем своим видом отпугивая случайных прохожих. Непроницаемую темноту лишь немного разбавлял свет звезд и бледной луны, понемногу выползающей из-за горизонта. Где-то в глубине скрипели ветки, на которых качались окоченевшие человеческие тела. Но живой человек, приближавшийся к Лесу со стороны города, не обращал никакого внимания на эти очевидные предостережения. Он шел не спеша, не подозревая, что идет навстречу своим неприятностям.

Если бы его спросили, не страшно ли ему, он бы сказал – за годы подобных прогулок страх притупляется. Человек – такое животное, которое привыкает ко всему. Люди еще и умудряются увидеть что-то красивое в самой ужасающей ситуации. Потому что если перестаешь видеть красивое, остается только один путь – в этот самый Лес.

Погруженный в свои мысли, молодой мужчина прошел небольшую заснеженную поляну и свернул к центру Леса. По невысокому склону поднялся наверх и оказался на центральной поляне. Вокруг густым и плотным кольцом росли деревья. Выглядело это так же странно, как лысина у двадцатилетнего парня.

В этом месте было что-то особенно красивое и притягательное. Поляна была словно порталом в другой, потусто-

ронный мир. Все, приходившие в Лес, стремились к этому portalу. И все как один отсюда уходили в далекое путешествие. Именно здесь, на этой поляне, ни разу не было случая, чтобы акт самоликвидации не был доведен до конца. В особо «урожайные» дни там можно было насчитать до десяти тел. Но сегодня деревья вокруг поляны стояли пустые. Ветви были покрыты нетронутым снегом.

Сюда приходили те, кто был не в силах больше сопротивляться жизненным трудностям. Загнанные в долговую яму, люди предпочитали распрощаться с жизнью, чтобы хоть как-то облегчить жизнь своим детям. В соответствии с предписанием Верховного Правительства Д-Республики, которому вот-вот должно было исполниться десять лет, добровольно ушедшие из жизни граждане, если они выбрали для этого специально оборудованные места (а именно Лес), получали полное списание личного долга. Их ближайшие родственники также могли рассчитывать, что долг не перейдет к ним по наследству.

Самоликвидация, подобно существовавшей когда-то процедуре банкротства компании, стала способом уйти из жизни, предварительно покрыв все свои обязательства. Свежие трупы использовались для трансплантации органов. Сразу после осуществления акта самоликвидации специальная служба осуществляла их доставку в более богатые соседние страны – главным образом, Либерленд. В Лесу постоянно дежурила специальная бригада, готовая максимально быст-

ро зафиксировать смерть и увезти тело. Передовые технологии Либерленда позволяли сохранить органы пригодными для трансплантации на протяжении всего периода транспортировки.

Внимание путника внезапно привлекло какое-то движение на другом конце поляны. Он спрятался за стволом дерева и стал приглядываться. Увидеть живого самоликвидатора – это всегда более щекотливое переживание, чем просто труп, свисающий с ветки дерева. Это всегда риск.

Человек вглядывался в темноту и лихорадочно соображал, что делать. Тем временем луна выглянула из-за облака и осветила поляну. Он, наконец, смог разглядеть, кто скрывается за деревьями, и от этого зрелища у него замерло сердце. Попал. У старой сосны с веревкой в руке стояла девчонка лет семнадцати. Невысокого роста, в старом и рваном пальто неопределенно-темного цвета. Пепельные длинные волосы вместо головного убора. Впалые щеки. Острые скулы. Тяжелый взгляд, который вдруг наткнулся на незнакомца. Девушка вскрикнула и попыталась спрятаться за деревьями, но поскользнулась и упала в сугроб.

Человек уже развернулся, чтобы поскорее обратиться восвояси, но тут на поляне появились двое мужчин в белых защитных комбинезонах, похожие на призраков. Они азартно потирали руки – далеко не каждый день им удавалось встретить свидетеля самоликвидации. Дураков, готовых рискнуть собственным благополучием, в Д-Республике было мало.

– Душевного равновесия, – голосом бесконечно усталого человека проговорил один из «призраков». – Служба контроля над самоликвидацией. Вы стали свидетелем добровольной самоликвидации. Предъявите документы, пожалуйста.

Мысленно застонав, любитель ночных прогулок развел в сторону руки, показывая, что не собирается оказывать сопротивление, а потом подчеркнуто медленно полез во внутренний карман куртки за документами.

– Долг – наше все, – обреченно констатировал он, глядя, как второй сотрудник СКС подводит девушку. Ее лицо было похоже на маску страдания. Она, судя по всему, уже распрощалась с жизнью и не очень понимала, что происходит.

– Альберт Беляев? – рассматривая карточку с паспортными данными, спросил первый «призрак», а увидев запись в графе «Занимаемая должность», даже присвистнул от удивления. – Острых ощущений захотелось?

Альберт слегка поморщился и кивнул. Из-под капюшона вылезла прядь седых волос, которую он тут же спрятал.

– Ну, теперь-то вам острых ощущений точно хватит – на два года.

– На три, – уточнил второй «призрак», проверявший документы девушки. – Ей сегодня исполнилось восемнадцать. Опекунство до двадцати одного года либо до вступления в официальный брак.

– Кстати, а что у нас тут? Господин Альберт не женат? –

сотрудник СКС удивленно посмотрел в карточку. – Тридцать семь лет, и ни одного официального брака? Кажется, мы можем поднять вопрос не только об опекунстве, но и о замужестве.

– Я не люблю лишние вопросы, – холодно бросил Альберт и вытащил из кармана конверт, который спустя пару секунд скрылся в кармане первого эскаэсника. Лишь мельком заглянув в конверт, тот кивнул второму и принялся заполнять специальный бланк.

– Три года полного обеспечения и ответственности за жизнедеятельность, – протягивая заполненные документы Альберту, сказал он. – Без обязательства вступить в брак. И без права на выезд из страны до истечения срока опекунства.

В это время второй сотрудник СКС достал из кармана странного вида ножницы, грубо схватил девушку за руку и сделал зигзагообразный надрез на коже запястья. Девушка тихо вскрикнула, на ее запястье выступила кровь.

– Пожизненный запрет на вход в Лес, – отчеканил служащий, – и запрет на проведение процедуры самоликвидации.

Альберт забрал документы девушки и заполненный бланк о вступлении в опекунство. Посмотрел на нее. И понял, что впереди – самые сложные годы его жизни.

Процедура опекунства в Д-Республике применялась крайне редко. Альберт помнил только один такой раз, и то – без особых подробностей. В нынешней ситуации опекунство ка-

залось абсурдной и устаревшей традицией. Насколько ему было известно, эта практика восходила к юридическим тонкостям прошлого. Человек, помешавший другому провести процедуру списания долгов, должен был понести за это материальную ответственность. В Д-Республике это означало – забрать себе его долг.

Домой шли быстро и молча. Спасенная девушка еще до конца не понимала, что произошло. Альберту надо было многое обдумать. Сотрудники СКС приступили к более рутинной работе – снимали трупы и грузили их на повозку. Зимой не нужны были даже специальные холодильники – природа сама способствовала долгому хранению органов, чье путешествие в далекие и богатые страны только начиналось.

Ночью улицы были пустыньны – мало кто решался выходить из дома в полной темноте. К тому же, несмотря на все усилия Верховного Правительства, на улицах все еще случались разбойные нападения. Но в тот раз Альберту удалось без лишних неприятностей добраться до дома. Девушка шла за ним след в след, не говоря ни слова.

Зайдя в дом, он прошел в дальнюю комнату, достал из шкафа пару одеял и бросил их на пол.

– Спать будешь здесь. Бумаги не трогать, – бросил он девушке и вышел из комнаты. Стук закрывающейся двери прозвучал как приговор.

Глава 2

Наутро пошел дождь, смывший все следы вчерашнего сказочного снега. Если вчера у природы был праздник, то сегодня наступило тяжелое похмелье. Альберт поморщился, наблюдая через паутину оконного стекла, как с неба падает вода. «Снова дождь, – подумал он. – Снова придется полдня мучиться, чтобы растопить печь. Вчерашние дрова наверняка уже прогорели».

Но это было, если разобраться, далеко не самое страшное. Со смутной надеждой, что все произошедшее вчера было лишь кошмарным сном, Альберт подошел к двери в маленькую комнату, которую использовал как склад для старых записей. Внутри стояла тишина, изредка прерываемая сопением. Приоткрыв дверь, Альберт заглянул вовнутрь и мысленно выругался. Все, приехали.

Еще секунда, чтобы взять себя в руки.

– Эй, ты! Вставай! – Альберт бесцеремонно стащил тонкое одеяло с маленького тела, которое свернулось калачиком прямо на полу, в окружении стопок с бумагами.

Тело вздрогнуло и зашевелилось.

Альберт присел на корточки и начал внимательно всматриваться в лицо своей новой головной боли.

– Итак, что мы имеем? Маленькое существо женского пола, на вид даже не достигшее возраста совершеннолетия.

Но эскаэсники сказали, что вчера тебе исполнилось восемнадцать, так?

Девушка посмотрела на него пустым, лишенным каких-либо эмоций взглядом и кивнула.

– Три года! – почти простонал Альберт, обращаясь больше к самому себе, чем к девушке. Три года огромных расходов и еще большей ответственности. Три года без права выезда из страны. – Погулял, ничего не скажешь! Набрался вдохновения для работы на год вперед! Нет, на три года!

Кстати, о работе. Альберт встал и подошел к кипе бумаг, стоящей в углу. Сверху лежали свежие материалы, которые ему передали только вчера. Предвкушая долгую и трудную работу, он решил сначала прогуляться в поисках вдохновения. Лес был идеальным источником вдохновения. Но в этот раз все пошло совсем не по плану.

На листе серой бумаги, которую перерабатывали явно не один десяток раз, было написано так называемое техническое задание. Количество слов, основная тема, смысловые акценты, ключевые слова и тому подобная конкретика. До завтра надо было написать довольно стандартную статью с ключевыми словами «безнадежность», «безысходность», «бессмысленность». Очень подойдет под сегодняшнюю погоду. Дождь сам по себе создает гнетущую атмосферу, а если в его ритм еще и вписываются нужные ключевые слова, эффект превосходит все ожидания!

Осталось только понять, что делать с недоразумением.

Девушка сидела на полу, прислонившись спиной к стене. Спала она в уличной одежде, как и сам хозяин дома – несмотря на печное отопление, внутри было холодно. Во многом благодаря паутине трещин на стеклах.

– Значит, так, недоразумение, слушай меня внимательно и не перебивай. Если ты дума...

– Я не недоразумение!

– Я сказал, не перебивай!!!

– Эрика, – покраснев, пролепетала девушка.

– Что?

– Меня зовут Эрика, – еле слышно сказала девушка.

Альберт нахмурился.

– Так вот, если ты думаешь, что я рад появлению у себя иждивенки, ты сильно ошибаешься. Поэтому давай так: закон предусматривает, что я должен обеспечивать тебе условия, необходимые для поддержания жизнедеятельности. И я это сделаю. Спальное место будет в этой комнате, еда – в погребе (то, что портится) и в шкафу на кухне (то, что не портится). Удобства в доме, за водой нужно будет ходить на колонку, это метрах в двухстах от дома.

Голос Альберта осекся – он вдруг понял, насколько странно звучали его слова. Эта девочка вчера чуть было не рассталась с жизнью, а сегодня он рассказывает ей, как жить в новом месте. Конечно, найти опекуна – это особая удача. Такое бывает невероятно редко, и на это явно не стоит надеяться, уходя в Лес. Получается, этой девочке несказанно повезло.

Но вот понимает ли это она?

А вот ему, Альберту, повезло гораздо меньше. По правде говоря, совсем не повезло.

Словно поняв, о чем он думает, девушка спокойно и от-
решенно сказала:

– Я не буду жить.

Альберт поморщился:

– Ну хватит! Ты прекрасно понимаешь, что сейчас это уже невозможно. У каждого есть только одна попытка. Свою ты использовала. А я, увы, помешал ее исполнению. На мне теперь все твои долги и обязательства. Я так понимаю, что долг у твоей семьи есть, и приличный, а по достижении совершеннолетия ты стала полноправной его совладелицей. Придут бумаги – увидим. А с этой меткой тебя в Лес уже никто не пустит, – он взял руку девушки и развернул ее так, чтобы было видно оставленный сотрудниками СКС шрам в форме зигзага. – Это клеймо с тобой теперь до конца дней. Можно сказать, это твой билет во вторую жизнь. Но учти: надумаешь меня разорять – твоя жизнь будет долгой, но невыносимо и мучительно печальной.

Девушка посмотрела на него недоверчиво. Под ее глазами темными кругами лежала усталость. Беспорядочно падающие пряди пепельно-русых волос закрывали пол-лица. Тонкие бледные губы почти полностью сливались с белым пятном лица. Альберт подумал, что, будь он художником, обязательно взял бы ее в качестве натурщицы для изображения

д-болезни в человеческой ипостаси.

– Мне все равно. Плевать мне на СКС и на тебя тоже. Я не хочу жить, и это мое право. Если я буду жить, мне придется выйти замуж, – последнее предложение она произнесла почти шепотом, и в ее глазах снова заблестели слезы.

Альберт усмехнулся:

– Забавно. В годы моей юности девушки были готовы пойти на многое, чтобы только выйти замуж. И уж точно не лезли в петлю, чтобы избежать замужества. Хотя времена изменились, конечно. Это единственная причина, по которой ты хотела это сделать?

Девушка помолчала, а потом тихо произнесла:

– У родителей много долгов, я хотела помочь.

– Ну конечно, так я и думал. Сколько у тебя братьев и сестер?

– Пятеро.

– Дай угадаю – ты старшая?

– Да.

– Остальные, надо думать, скоро пойдут по твоим стопам. Ну и пример ты им подала! А могли бы вырасти и иметь шанс.

– Какой шанс? – нахмурила брови Эрика. – Ты что, Газету не читаешь? Вокруг сплошная безнадежность и безысходность! Жизнь бессмысленна! Зачем продолжать это бесполезное занятие? Зачем выходить замуж, рожать детей? Чтобы однажды увидеть, как твои собственные дети уходят

в Лес? Или чтобы дожидаться того дня, когда охотники за органами придут к тебе в дом и начнут резать твоих родных, чтобы получить органы посвежее?!

Альберт отвел взгляд. Впервые в жизни он почувствовал что-то вроде стыда, но тут же отогнал от себя это новое чувство. Вкладывать такие мысли в голову людей – его работа. А работа – это деньги. Материальное благополучие теперь становится просто жизненно необходимым условием. Уж он-то точно хочет жить, и жить не хуже, чем последние пять лет.

– Ну зачем ты пришел в Лес?! Кто тебя просил? Ты же все испортил! – не могла успокоиться девушка.

– Логичный вопрос, – вздохнул Альберт, больше разговаривая вслух с собой, чем отвечая Эрике. – Времена такие. Раньше у состоятельных людей было много разных способов отдохнуть и развлечься: охота, шумные застолья, казино, наркотики, яхты, сауны и так далее. Сегодня в нашей стране даже самым обеспеченным людям это недоступно. Но у нас есть свое казино – Лес. Каждый раз, приходя туда, я рискую проиграть крупную долговую расписку на содержание такого вот маленького недоразумения.

Эрика наградила его злобным взглядом и выпалила:

– Сам ты недоразумение! Урод!

Как относиться к оскорблениям от такого незначительного и маленького существа, Альберт не знал. За свою жизнь он имел очень мало опыта общения с теми, кто младше его. Подумав, он решил его проигнорировать.

Эрика не унималась:

– Состоятельные, несостоятельные – какая разница?! Что, тебя маленькие долговые расписки избавят от страданий? Хочешь и от меня откупиться? Заплатить и не видеть меня ближайшие три года, не разговаривать со мной? Не выйдет! Будешь воспитывать по полной программе! В полном соответствии с государственной идеологией!

Альберт нахмурился:

– Слушай, а ты не врешь? Тебе точно восемнадцать? Что ты можешь знать о государственной идеологии?

– Я уже два года Газету читаю, – опустил голову, призналась девушка.

– Я так и подумал, – кивнул Альберт. – Из молодых да ранних. Только главного ты все еще не понимаешь. А потому лучше поверь мне на слово – для тебя самой будет лучше, если я не буду с тобой общаться. Совсем. Я готов принять на себя все материальные обязательства по обеспечению твоей жизнедеятельности на три года. Общение в этот список не входит. Сегодняшний наш разговор нужен только для того, чтобы ты это поняла и усвоила. И больше ко мне не подходила.

– Отлично, мне это подходит, – Эрика встала и быстрым шагом направилась в соседнюю комнату, где находился шкаф с продуктами. – Закон предписывает, чтобы ты меня обеспечивал едой, седой старикашка. Можешь ничего не говорить – я без твоего разрешения найду и съем все самое

вкусное и дорогое, – с этими словами она начала шарить по полкам шкафа.

Удивительно, но «седой старикашка» звучало гораздо обиднее, чем «урод». С другой стороны, такова психология подростков – они еще не выработали умения понятно и однозначно выражать свои мысли и чувства. Для них оскорбления служат способом понять, чего ожидать от конкретного человека и ситуации. Это как ориентироваться в темноте, кидая камни и слушая, куда они упадут. Скорее всего, это сигнал беспомощности и растерянности. Пожалуй, стоит дать ей немного больше информации.

– Будешь называть меня седым старикашкой – навсегда останешься недоразумением: я сделаю все, чтобы вписать это имя в твои документы. Называй меня Альберт. Впрочем, лучше вообще никак меня не называй и не общайся со мной, просто знай – это мое имя. Что касается возраста – мне всего тридцать семь, так что...

– Я же говорю – старикашка, – отрезала Эрика, разбираясь с продуктами. – Мне абсолютно все равно, кто ты такой, как тебя зовут, сколько тебе лет и чем ты занимаешься. Как-нибудь проживу три года без этой информации.

Она резко повернулась и посмотрела Альберту прямо в глаза:

– А потом я сделаю себе татуировку с твоим именем, чтобы знать, кого проклинать до конца своих дней.

– Проклятия – это чушь и суеверия, – усмехнулся Аль-

берт, – ты правда думаешь меня этим напугать?

– Проклятия обладают настоящей силой, – серьезно сказала девочка. – Ты что, Газету не читаешь?

Альберт ответил, уже стоя у входной двери:

– Судя по всему, это любимый вопрос твоих родителей. Неудивительно, что с тобой все это произошло. Что же касается меня – я действительно не читаю Газету. Я для нее пишу.

Закрываясь, дверь издала тихий писк, и Эрика осталась одна.

Глава 3

Прошло две недели с тех пор, как в доме Альберта появилась нежданная гостя в лице Эрики. Девушка быстро приспособилась к ритму жизни своего «спасителя» и старалась не мешать, когда тот, запершись в дальней комнате, что-то долго писал на больших листах бумаги. В последний раз Эрика видела такие листы в школе, на выпускном экзамене – то была большая редкость. Чаще для письма использовалась дешевая бумага, сделанная из отходов. Она была сухой и шершавой на ощупь, плохо пахла, но все же на ней можно было что-то написать. Именно на такой бумаге дети обычно выводили первые слова в школе.

Несмотря на то, что Альберт должен был обеспечивать ее полное содержание в ближайшие три года, Эрика понимала – сидеть без дела нельзя. И в то же время искать работу – хотя бы такую, за которую платили едой – не хотелось совершенно. Впрочем, не хотелось вообще ничего. Чтобы к чему-то стремиться, нужно обладать хоть малейшим желанием жить. У нее же этого желания не было абсолютно. Именно поэтому она и пошла тогда в Лес. Если бы байки про сделку на перекрестке были правдой, она, пожалуй, согласилась бы, не раздумывая. Но жизнь не оставила ей выбора.

Альберт своим появлением лишил ее единственного шанса на счастье – пусть призрачное и далекое, но единствен-

ное и реальное для нее. А теперь оставалось лишь уныло доживать свой век, перетаскивая телесную оболочку из одного года в другой, пытаясь поддерживать ее жизнедеятельность. Других вариантов просто не было.

Альберт с ней не разговаривал – было видно, что он не настроен на какой-либо человеческий контакт. Для него все было просто: есть закон, который надо выполнять. У закона есть минимальные требования, а выше потолка прыгать не стоит. Это не нужно и абсолютно не выгодно не только с точки зрения человека, живущего по совести, но тем более с точки зрения человека, живущего в Д-Республике.

В один из хмурых и дождливых дней декабря Эрика все-таки решилась заговорить с Альбертом, когда тот вышел из своей комнаты, чтобы пообедать. Она поставила перед ним тарелку с вареной картошкой и консервированным тунцом – деликатесом, который она сама ела всего пару раз в жизни. Себе она взяла пару холодных морковок.

Альберт хмуро взглянул на нее, но от обеда не отказался. Эрика села за стол напротив него и из-под полуопущенных век наблюдала за тем, как он ест. Альберт, казалось, был полностью погружен в свои мысли. Длинные седые волосы собраны в хвостик на затылке. Бледное лицо выглядело серьезным и сосредоточенным. Со стороны казалось, что он долго разжевывает каждый кусочек, чтобы лучше понять его вкус или убедиться, что в нем нет ничего твердого.

«Словно золото там ищет», – усмехнулась про себя девуш-

ка. Она вспомнила историю из школьного учебника: в старые благополучные времена жених делал предложение своей возлюбленной, спрятав обручальное кольцо в еде или в бокале с шампанским. «Сейчас за такое запросто можно получить по голове. Один укус – и половины зубов нет. А как потом жить, без зубов?»

Решившись, Эрика набрала воздуха в грудь, чтобы начать разговор, но Альберт ее опередил.

– Нет.

– Я еще ничего не сказала.

– Ты собиралась. Я же сказал – мы не будем общаться.

В глазах Эрики предательски блеснули слезы.

– Зачем ты меня спас? Чтобы превратить мою жизнь в кошмар? Из-за тебя теперь у меня нет выхода! Я не могу вернуться в Лес, я не могу вернуться в свою семью. Я должна три года исполнять роль твоей домашней зверушки – бессловесной твари, которая постоянно будет путаться у тебя под ногами! Думаешь, я не вижу, как ты морщишься каждый раз, когда видишь меня? А что мне делать? У меня нет работы, нет своей жизни, у меня ничего нет!

– У тебя есть все, что нужно для поддержания жизнедеятельности твоего тела.

– А остальное тебя не интересует, да?

– Именно, – кивнул Альберт, отправляя в рот кусок картошки.

Эрика откинулась на спинку стула и сложила руки на гру-

ди.

– Тогда я объявляю голодовку. Я не буду есть и рано или поздно умру от истощения. К тому же сейчас зима – я могу упасть в голодный обморок на улице и замерзнуть насмерть.

В глазах Альберта на миг промелькнул страх.

– Так... Тебе когда-нибудь прописывали д-препараты?

– Нет.

– Очень странно. Мне казалось, сейчас их выписывают всем подряд. Могу тебя уверить – как только будут готовы твои документы, я подам запрос на выдачу тебе сильных препаратов. Жить станет проще, вот увидишь.

– Ты думаешь, я не понимаю? Если со мной что-нибудь случится, пока я под твоей опекой, ты моментально отправишься в тюрьму за доведение до самоликвидации. У тебя и так уже условный срок за присутствие в Лесу во время моего... Ну, ты понимаешь. А из тюрем у нас в стране не выходят, и ты это прекрасно знаешь. А ведь ты-то хочешь жить, я это вижу.

Эрика сделала паузу, ожидая ответа, но Альберт сосредоточенно давил вилкой картофель, превращая его в кашу, и не говорил ни слова. Девушка вздохнула и сделала последнюю попытку:

– Тебе есть что терять, я это знаю. Неужели это не стоит того, чтобы немного поступиться своим комфортом?

– Немного? – Альберт поднял на нее глаза, и Эрику словно укололи спрятанные в них льдинки. – Ты ничего не по-

нимаешь. Если бы не ты, уже через год я бы уехал из этой страны и начал жить по-настоящему. Ты даже не представляешь, что это такое. А теперь я обязан тонуть в этом болоте еще три года и спускать большую часть своего заработка на то, чтобы содержать тебя. Как думаешь, я горю желанием общаться с олицетворением своей самой большой в жизни неудачи?! – он с яростью бросил вилку на стол, вскочил и в два шага подошел к окну. – Видишь это? Этому стеклу больше лет, чем нам с тобой вместе взятым. Когда-то в него кидали камни идиоты, которые посчитали, что я живу слишком богато и это надо исправить. Я мог бы вставить новое стекло, но не хочу этого делать, потому что знаю – с ним будет то же самое. Я мог бы отремонтировать печку и покупать нормальные дрова, которые будут гореть, а не тлеть, даже в дождливую погоду. Но я знаю, что все это вызовет зависть и ненависть у других людей. Я принял правила этого общества, этой страны, я живу по этим правилам, я научился здесь выживать и неплохо зарабатывать. Но твое присутствие здесь – это против всех правил.

– Гулять ночью по Лесу – тоже против правил, – тихо проговорила Эрика.

– Заткнись! – сжав кулаки, крикнул Альберт. – Если тебе так хочется с собой что-нибудь сделать – прикуси себе язык, будь так добра. От этого будет куда больше пользы.

– Я хочу работать.

Альберт усмехнулся:

– Вот как! Еще вчера не хотела жить, а сегодня уже хочет работать. Что это на тебя нашло?

– А ты хочешь, чтобы я продолжала не хотеть жить? Тебе так будет удобнее?

– Так всем удобнее в этой стране, если ты еще не заметила, – буркнул Альберт, снова усаживаясь за стол.

– Я думаю, это в твоих интересах – сделать так, чтобы у меня было хоть какое-то занятие. Иначе ты лишишься всего, что у тебя есть, потому что я найду способ прекратить жизнедеятельность своей телесной оболочки, выражаясь твоими словами.

– Так-так, и что же ты хочешь делать?

– Что-нибудь простое и по возможности монотонное. Не хочу много думать. Скучная жизнь проходит быстрее.

Альберт нахмурился и внимательно посмотрел на Эрику:

– Когда ты говоришь, у меня такое ощущение, что ты цитируешь статьи из Газеты. Ты что, их наизусть учила?

Эрика насупилась, раздумывая, стоит ли вообще что-то говорить этому человеку. Но вынужденное одиночество рвалось наружу потоком невысказанных слов. Эрика подумала, что, возможно, другого повода поговорить с Альбертом у нее уже не будет. И решила.

– Однажды в детстве я тайком от родителей прочитала одну статью. Она называлась «Как ускорить течение жизни». Мне так понравилась эта статья, что я захотела, когда вырасту, писать такие же. В детстве еще как-то получалось мечтать

о неосуществимом. Потом я поняла, что связей и денег моих родителей не хватит на то, чтобы отправить меня на нужные курсы и пристроить на работу. Мой потолок – работа на заводе по переработке отходов. И когда я поняла, что в восемнадцать лет моя жизнь превратится в долгое и унылое умирание, я решила закончить ее в торжественный день окончания детства. Но тут появился один седой старикашка, который спутал все мои планы.

– Кто бы говорил!

– Ты со мной вообще говорить не хотел.

– Я и сейчас не хочу. Мне работать пора. Не забудь помыть посуду – где вода, ты знаешь, – с этими словами Альберт поднялся из-за стола и уже развернулся, чтобы идти в свою комнату, но его остановил вопрос Эрики:

– Так что насчет моей работы?

На секунду Альберт задумался, а потом неопределенно махнул рукой:

– Я подумаю.

Глава 4

На следующий день Эрика поняла, что Альберт не собирается выполнять свое обещание. Он все так же был погружен в свою работу и только один раз вышел на улицу, чтобы дойти до ближайшего почтового отделения.

Сначала Эрика подумала, что он пошел получать документы на нее, но когда Альберт пришел домой, в его руках она заметила лишь толстый конверт белого цвета. Официальные письма обычно приходили в конвертах темно-коричневого цвета – для них использовалась дешевая бумага. Не сказав ни слова, Альберт прошел в свой кабинет. Больше в тот день она его не видела.

Потянулись тоскливые и дождливые дни темной зимы. Маясь от безделья, Эрика несколько раз выходила на улицу погулять. Привычно перепрыгивая через ямы на дорогах, она думала о том, насколько бессмысленным стало ее и без того не слишком веселое существование. А еще о том, сколько людей были бы рады оказаться на ее месте и хотя бы на несколько лет сбросить с себя материальную каббалу. С другой стороны, какой смысл оттягивать неизбежный конец? Да и цена за это слишком велика – теперь она навсегда лишилась возможности списать с себя все долги. Она получила лишь временную отсрочку, а потом... Страшно было даже подумать, что будет потом.

Мимо проходили редкие прохожие. У всех на лицах читалось одно и то же выражение: усталость и апатия. Вот прошла пожилая женщина, укутанная в старое болотного цвета пальто с дырами сразу в нескольких местах. Она шла сгорбившись, в ее дрожащих руках покачивалась тряпичная сумка с продуктами. Возраст ее выдавала только покачивающаяся, неуверенная походка и сгорбленная спина. Ее лицо, как и лица многих жителей страны, несмотря на возраст, оставалось практически лишенным морщин.

Эрика раньше никогда не задумывалась, почему у жителей Д-Республики так поздно появляются морщины. «Возможно, – подумала она, – дело в том, что наши люди почти никогда не улыбаются, не удивляются и не проявляют других эмоций. На их лицах практически с рождения застывает одна и та же маска, лишенная эмоций. Эта маска неизменной остается с ними в течение всей жизни».

В Д-Республике любой ребенок с самого раннего детства знает: улыбаться или смеяться – значит проявлять неуважение к другим людям. В стране, где у каждого человека гарантировано есть повод для скорби в любой момент его жизни, улыбка или смех всегда выглядят неуместно. Лучшее, чего можно желать другим и себе – это ледяное спокойствие. Душевное равновесие.

Мимо прошел пожилой мужчина. От него сильно пахло мочой, а старая темно-синяя куртка была покрыта пятнами грязи. Его глаза словно застыли – он шел вперед, не глядя

по сторонам и не мигая. Казалось, он сам уже давно не здесь, осталась лишь его телесная оболочка, которая вынуждена влачить свое жалкое существование до тех пор, пока не истечет ее срок годности.

Эрика вышла к небольшому парку – точнее, тому, что от него осталось. Сгнившая древесина полуразвалившихся скамеек черными крестами торчала из земли, делая это место похожим на кладбище. Асфальтовые дорожки почти полностью уничтожила рвущаяся из-под земли трава. Сейчас вместо травы проглядывала черная земля, словно дорожки были сделаны из серого стекла, которое какой-то великан уронил на землю и разбил вдребезги.

От всего этого веяло такой безнадежностью и тоской, что Эрика решительно развернулась и пошла домой. Ранее дремавшее где-то внутри смутное ощущение начало формироваться в полноценное понимание. Что-то изменилось в ней.

Выросшая в обычной бедной и многодетной семье, Эрика с детства видела, что такое д-болезнь. Ей были подвержены абсолютно все жители этой страны, именно она безраздельно властвовала в этой стране. Это казалось таким же естественным, как наличие у людей двух рук и двух ног. В детстве Эрика бездумно повторяла за старшими их модель поведения. У нее часто было плохое настроение, она просыпалась утром усталая и часто плакала. Но в подростковом возрасте произошел случай, который заставил ее по-другому посмотреть на свое состояние.

Тогда в городе случилась трагедия – обвалился большой многоквартирный дом. Как и многие другие подобные дома, он давно требовал капитального ремонта, но отремонтировать его было не на что. Каждый день на его стенах появлялись все новые трещины, но люди терпеливо ждали, что все устроится как-то само собой. Дом обрушился ночью, когда в нем спали почти двести человек. Все они погибли – спасти их было некому, спасательные службы давно расформировали. Остались лишь могильщики, которые искали в завалах дома тела и увозили их к границе города, где сбрасывали в Ров – длинную глубокую яму, опоясывающую весь город. Именно там заканчивали свой земной путь все люди, умершие своей смертью, от болезней или несчастных случаев.

Эрика вспомнила, как тогда сказала маме:

– Почему их никто не спасал? Почему никто не ремонтировал дом? Ведь это несправедливо, почему они умерли?!

Мама посмотрела на дочь усталыми глазами блекло-серого цвета и сказала:

– А что мы можем сделать? Мы ничего не можем. И все мы когда-нибудь умрем.

– Но... До смерти ведь должна еще быть жизнь!

– Да какая это жизнь? Ты все поймешь, когда вырастешь. Просто учись, чтобы найти работу и не накапливать долги. А все остальное от тебя не зависит, – она грустно улыбнулась и пошла на кухню готовить суп из четвертинки кочана капусты.

И все вокруг говорили то же самое – это не от нас зависит, мы ничего не можем сделать. Все, что мы можем сделать, – это постараться за свою короткую и несчастливую жизнь не накопить слишком много долгов, которые перейдут следующему поколению. О том, чтобы расплатиться с долгами полностью, не могло быть и речи – такое системой просто не было предусмотрено.

Эрика не чувствовала в себе этой всеобщей покорности и пассивности. Ей хотелось действовать, предпринять хоть что-то, чтобы изменить ситуацию к лучшему. Но она не знала – как. И в то же время нахлынувшие на нее чувства были очень странными – она никогда не видела, чтобы другие люди выражали что-то подобное. Это было так не похоже на привычные всеобщие уныние и апатию. Где-то внутри словно зажегся огонек, сделавший ее невосприимчивой к всеобщему унынию.

Но это озарение быстро прошло, трагедия забылась, потянулись обычные серые будни, и Эрика вновь подстроилась под всеобщее унылое настроение.

Теперь же, спустя месяц, проведенный в доме Альберта, Эрика вдруг поняла: все это время она не столько испытывала все эти тяжелые чувства, а лишь пародировала их, повторяла за взрослыми, как ребенок, который учится ходить, самостоятельно держать ложку в руке или разговаривать. Но эти чувства были не ее, не настоящими. Только оказавшись рядом с человеком, ценящим жизнь и имеющим

в ней какие-то цели, она вдруг смогла понять себя.

Когда Эрика вошла в дом, Альберт с сумрачным видом сидел за обеденным столом. Перед ним лежал белый лист бумаги, исписанный ровным печатным почерком.

– Работаешь? – спросила Эрика, стягивая с себя куртку. Сегодня в доме было довольно тепло – видимо, Альберту наконец удалось нормально растопить печку.

– Можно и так сказать, – протянул Альберт. – Сядь. Мне нужно, чтобы ты ответила на несколько вопросов.

– Вот как? Помнится, ты не хотел со мной общаться. Что случилось? Головой ударился? – Эрика не смогла упустить возможность поиздеваться над этим надутым индюком, который строит из себя царя и властелина Вселенной. Но все же села за стол напротив.

– Я все еще не хочу. Но обстоятельства обязывают. А тебе никто не говорил, что ты себя странно ведешь?

– В каком смысле – странно?

– Скажем так: в тебе слишком много жизни для человека, который совсем недавно был готов от нее отказаться. Слишком много энергии для человека, который вырос в этой стране. Ты грубишь, дерзишь, нарываешься на конфликт – разве тебе не все равно, что с тобой будет? Точнее, так: *почему* тебе не все равно?

Эрика неопределенно пожала плечами. Альберт внимательно посмотрел на нее и продолжил:

– Сегодня я получил очень интересный заказ. Очень вы-

годный заказ. Условия меня устраивают полностью, но вот тема немного странная. Впрочем, подробности тебе знать не обязательно. Меня интересует вот что: ты когда-нибудь в жизни испытывала чувство влюбленности?

Эрика почувствовала, как брови помимо ее собственной воли поднимаются вверх. Тут же вспомнилась мысль о том, что излишние эмоции вызывают морщины.

– Как это может быть связано с твоей работой?

Альберт нервно постучал карандашом по столу, словно обдумывая – говорить или нет. Потом, видимо, решил:

– Согласно последним докладам... неважно, каких служб... словом, статьи в Газете хуже всего влияют на определенную категорию жителей. Хуже – это значит слабее. Несмотря на все старания контент-криэйторов, эта категория жителей словно защищается хитрым иммунитетом.

– А я тут при чем?

– Видишь ли, ты как разходишь в фокусную группу. Ее составляют представительницы женского пола в возрасте от шестнадцати до двадцати пяти лет. А иммунитетом от д-пропаганды, как считают специалисты, является именно чувство влюбленности, которое стимулирует выработку гормонов, блокирующих действие д-болезни.

– Ничего не поняла. Что еще за д-пропаганда?

– Не бери в голову. Мне вообще не стоило всего это говорить, так что забудь. Единственное, что ты должна запомнить: с этого дня ты подробно рассказываешь мне обо всем,

что чувствуешь, и особенно – обо всем, что похоже на влюбленность.

Эрика почувствовала, как внутри вскипает злость:

– Серьезно? Хочешь знать, что я чувствую? Прямо сейчас, например, я чувствую огромное желание разбить о твою замную голову несколько тарелок. Ты игнорировал меня весь этот месяц, ты даже не подумал выполнить мою единственную просьбу о работе, а теперь хочешь залезть мне в душу и нагадить там?! Или это такой карьерный рост, а я и не заметила – от бессловесного коврика в прихожей до подопытной крольчихи? Подыщи себе подходящего кролика, кувыр-кайся с ним день и ночь напролет и не забывай отчитываться о проделанной работе – тогда, возможно, получишь бонусную морковку в зубы! Так?!

Уже сорвавшись на крик, Эрика вдруг заметила, как Альберт что-то быстро пишет на чистом листе бумаги.

– Что ты там пишешь?

– Неважно, – сказал Альберт и кивнул, – продолжай.

– Я не собираюсь ничего тебе рассказывать. Теперь моя очередь – я не желаю с тобой общаться! Мы вполне можем жить под одной крышей молча.

Альберт вздохнул:

– Жаль. А я ведь собирался договориться, чтобы тебя взяли на работу в Типографию.

Эрика не поверила своим ушам:

– Что?! В Типографию? Но что я там буду делать?

– Ничего особенного. Им нужен человек, который будет следить за качеством печати. Надо проверять, чтобы листы правильно ложились на печатный станок. Зарплата небольшая, но зато много рабочих часов, все просто и думать не надо – ты же этого хотела?

Эрика уже хотела сказать, что даже долгожданная работа не стоит того, чтобы превращаться в подопытного кролика, но в последний момент остановилась. Возможно, что и стояла. В конце концов, никто не мешает ей говорить всякую чушь о своих якобы переживаемых ощущениях. Ведь совсем не обязательно выкладывать всю правду – все равно проверить, что происходит у нее в душе, не сможет никто.

– Я согласна, – выпалила Эрика.

– Как-то слишком быстро, – подозрительно прищурился Альберт. – Ты понимаешь, что взамен я хочу полную и исчерпывающую информацию обо всем, что ты переживаешь и чувствуешь? И тебе придется мне предоставить эту информацию.

– Я согласна, – кивнула Эрика. – Только один вопрос – зачем тебе это? Как ты собираешься использовать эту информацию?

– Сама увидишь. Но учти: все, что я тебе сейчас сказал, – конфиденциальная информация. Она не должна покинуть этот дом. Если хоть кто-то посторонний об этом узнает, клянусь, я посажу тебя на самые сильнодействующие препараты, и в ближайшие три года ты не сможешь почувствовать

уже ничего. Ты меня поняла? – голос Альберта звучал ровно, но от него тянуло ледяным холодом.

Эрика вдруг явно ощутила власть, которая была у этого человека. По большому счету, она почти ничего о нем не знала. Для чего он хочет ее использовать? Как связаны его статьи и ее влюбленность? Девушку распирало любопытство, но она не решалась задать эти вопросы. Тем временем Альберт поднялся из-за стола, собрав бумаги, и отправился в свою комнату. На ходу он бросил:

– Разговор окончен. Иди спать.

Хлопнула дверь, и Эрика осталась в комнате одна. Задумчиво посмотрев в окно-паутину, она вздохнула и стала готовиться ко сну. Последняя мысль, которая пришла в голову до того, как ее утащило в омут сна, была невыносимо тревожной: как она будет рассказывать Альберту про влюбленность, если ни разу ее не испытывала?

Глава 5

Приближался конец календарного года. Как это бывало каждый год, Альберту предстояло написать статью об итогах года. Такие статьи давались ему довольно легко, если не считать необходимости быть особенно осторожным и внимательным – начало нового года могло вызывать у людей положительные эмоции. Многие могли предаваться опасному стремлению строить планы и надеяться на будущее. Все эти стремления нужно было пресечь на корню. Альберт вышел в комнату, чтобы убедиться, что Эрика ушла, а потом вернулся к своему столу и быстро застрочил в черновике:

«За прошедший год произошло не так много событий, но большинство из них без преувеличения можно назвать печальными. Ушли из жизни несколько влиятельных людей – политиков, которые всю свою жизнь посвятили тому, чтобы сделать жизнь других людей легче. В иной мир отправился мэр нашей столицы. В многочисленных пожарах и обрушениях домов погибли наши с вами соотечественники. Наступление холодов также добавило десятки людей в печальный список погибших. И сегодня, вспоминая всех этих людей, мы должны помнить: наша святая обязанность – отработать не только свой долг, но и их, чтобы сохранить в душе светлую память об ушедших.»

Конечно, все мы понимаем – с уходом этих людей вряд ли

что-то изменится в нашей жизни. Но если только на секунду предположить, что у кого-то из них был в руках некий метафизический ключик, открывающий дверь к общенародному благополучию, становится невыразимо грустно. Представьте, что один человек из миллиона рождается с возможностью и шансом что-то изменить в этом мире, но умирает, не дожив до этого момента. Он замерзает насмерть, не дойдя пару шагов до дома. Сердце сжимается от такой печальной судьбы – не только отдельного человека, но и всего народа».

Альберт удовлетворенно перечитал написанное и взял другой лист. Прежде чем соскользнуть на бумагу, мысль балансировала на грани между надеждой и отчаянием. Высшим пилотажем было такое соединение этих двух состояний, чтобы надежда показалась читателю мимолетным миражом, мелькнувшим где-то вдали и тут же исчезнувшим из вида. Это придавало отчаянию дополнительную горечь и силу.

«Мы уже невероятно далеки от тех старых предрассудков, в плену которых жили наши далекие предки. Новый год – уже давно не повод для празднования. Это лишь время подведения итогов: печальных результатов уходящего года. Во всем остальном последние дни уходящего года и первые дни следующего года ничем не отличаются друг от друга. Но таков человек – ему нужно постоянно оглядываться назад.

Напоминаем, что до конца года необходимо заполнить

декларацию о долгах. Для тех, кто по каким-либо причинам не сделает этого вовремя, сумма долга будет увеличена на 13%. И не забывайте, что накопленный долг будут выплачивать ваши дети и внуки. Не взваливайте на их плечи слишком большой груз, чтобы не жалеть об этом потом.

Разумно принятый тридцать лет назад запрет на контроль над рождаемостью оставляет шанс многим из нас. Ведь чем больше людей, между которыми разделена сумма долга, тем меньше доля каждого человека. Но, несмотря на благие намерения нашего правительства, на практике каждый следующий ребенок не уменьшает сумму долга, а лишь увеличивает ее. Ведь все мы, к сожалению, с самого рождения постоянно нуждаемся в еде, теплой постели, одежде и хотя бы минимальных средствах обеспечения личной гигиены.

Все, что нам остается – быть максимально экономными и осторожными в тратах. Мы можем только надеяться на то, что новый день и новый год принесет нам возможность работать и погашать долг. Но мы никогда не сможем избавиться от ощущения, что все вокруг слишком зыбко и непрочо, чтобы строить долгосрочные планы.

Темные зимние дни и длинные ночи неизменно напоминают – тьма всегда преобладает.

Мы должны помнить о том, что каждая ночь может стать последней. В каждом из нас прямо сейчас может пробуждаться неизлечимая болезнь. Мы прекрасно знаем,

что нам закрыт доступ ко всему тому, что делает жизнь людей долгой и полноценной. Но такова наша судьба, и мы не в силах что-либо менять.

Иностранная пропаганда убеждает, что есть страны и есть люди, которые живут гораздо счастливее нас. Но для нас эти страны закрыты. По крайней мере, до тех пор, пока мы не выплатим свой Долг. Все в этой жизни надо заслужить.

В старых песнях наши наивные предки утверждали, что перед каждым человеком открыто множество путей и стираются миллионы возможностей. Словно пещерные люди, они строили свои воздушные замки, не понимая того, что понимает сегодня каждый ребенок: это абсолютно бесполезное занятие.

Но у нас остается Лес как последняя возможность сделать жизнь следующих поколений чуть легче. В следующем году власти планируют посадить новые деревья, чтобы продолжать удовлетворять растущий спрос на услуги этого муниципального рекреационно-ритуального комплекса».

Альберта оторвал от работы громкий шум. Вскочив из-за стола, он выбежал из комнаты и увидел, как в распахнутую входную дверь практически вваливается массивное мужское тело в толстом тулупе. За телом стала видна маленькая фигурка Эрики, которая растерянно застыла на пороге, не понимая, что происходит. Тело издало звук, напоминающий

что-то среднее между кряхтением и залихватским «И-эх!», и довольно ловко приняло вертикальное положение. В комнате запахло спиртом. Альберт поморщился:

– Дед, тебя кто сюда звал?

– Здорово, сосед! – вошедший таким оригинальным образом дед стащил с головы шапку и рукой взлохматил примерно пятнадцать седых волосинок. – Жратва есть? Знаю, есть, ты ж у нас эта... ба-хе-ма! Или как там? Ай, в общем, закусь мне нужна. Дай, а?

Эрика скорчила недовольную гримасу:

– Чем это так воняет?

– Спиртом, – мрачно бросил Альберт, подходя к шкафу с едой. – Чего тебе? Огурцы соленые есть, тушенки банка. Только она старше меня, рисковать будешь?

– Давай, – дед деловито вытащил из кармана потрепанный тряпичный мешок и поставил его, призывая Альберта кидать туда продукты. – Девка, дверь закрой, дует же! Мозги простудишь еще, если они у тебя есть, хи-хи!

Эрика покраснела.

– Вам надо – вы и закрывайте! Хотя вам явно уже нечего бояться и простужать тоже нечего! – раздраженно бросила девушка, хлопая входной дверью.

– Женская логика, ну! – заржал дед.

– Да ну вас, – огрызнулась Эрика. – Альберт, кто это такой вообще?

– Сосед, – коротко ответил Альберт.

– Ага, сосед я, – кивнул дед, – Василь Петрович, ну или просто дед Василь, как вот этот белообрый меня кличет.

– Очень неприятно, – надувшись, ответила Эрика. – Почему от вас так пахнет?

– Эхе-хе! – вздохнул Василь Петрович. – Да как же тут не пахнуть, если и помыться негде? Воды-то вечно нет, а если и есть, то как я зимой в ледяной мыться-то буду? Что я, морж, что ли? Я не морж.

– Девочка не знает, что такое спирт и алкоголь, – усмехнулся Альберт, кидая в авоську деда продукты.

– Я знаю, – нахмурилась Эрика. – А еще я знаю, что производство и продажа алкоголя в нашей стране запрещены. Откуда у вас алкоголь?

– Какой еще алкоголь?! – возмутился дед. – Это слезы народные! Стрдание человечества в чистом виде. А знаешь, как его тяжело по капле из себя вытягивать? Вот хожу и слезы детишек в стаканчик собираю. И потому их так много, что в другом месте их совсем нету! Во всем баланс должен быть, так? Вот мы здесь плачем, а они там – радуются.

– Где – там? – не поняла Эрика.

– Не бери в голову, – сказал Альберт, поворачивая деда за плечи к выходу. – Время позднее, спать пора. Иди, дед. Если выживешь после тушенки – завтра заходи, только трезвый. Дело к тебе есть.

– Обижаешь! Я всегда трезвый! Это же горе народное во мне бродит, вот спирт и вы-де-ля-ещца! – Дед бодрым,

но нетвердым шагом вышел на улицу. Еще несколько минут был слышен его голос – кажется, он пытался спеть песню про народное горе.

Альберт закрыл дверь и повернулся к Эрике:

– Полегче с дедом. Он, конечно, тот еще неадекват, но иногда может оказаться полезен. И тебе в том числе.

– Как может быть полезно это старое и отвратительно пахнущее существо? – сморщилась Эрика.

– Если не хочешь потом жалеть и раскаиваться, никогда так больше про него не говори, – взгляд Альберта снова резанул девушку холодом.

– Откуда у него алкоголь?

– Оттуда, где его обычно производят.

– Он что, это прямо дома делает?

– Почему тебя это так удивляет?

– Но это же незаконно!

Альберт поморщился:

– Это же дед! Скажем так: у него есть некоторые связи. Поэтому для него – законно. Будешь с ним дружить – может, и с тобой поделится.

– Вот еще! – фыркнула Эрика. – Зачем мне это?

– Действительно, о чем это я? Ты же у нас из особой категории. У тебя другие воздействующие факторы. Что там с нашим уговором? Ты уже готова рассказать мне все о своей влюбленности?

Эрика испуганно посмотрела на него:

– Уже? Я думала, мы начнем позже.

– А чего нам ждать? – удивился Альберт. – Впрочем, мне действительно нужно еще немного времени, чтобы закончить новогоднюю статью. А потом я буду ждать от тебя подробный отчет. Запомни: больше всего меня интересует, что влияет на возникновение этого чувства и что может привести к тому, чтобы оно не возникло или исчезло, если уже возникло?

Эрика округлила глаза:

– Я тебе что, робот, что ли? Ты так все раскладываешь, словно это математика. Ты сам-то когда-нибудь влюблялся?

В этот момент Эрика была готова поклясться: она физически почувствовала льдинки, разбившиеся о ее лицо. Эти льдинки вылетали из глаз Альберта, в которых словно пронеслась снежная буря. Несколько секунд он молчал, а потом коротко бросил:

– Покойной ночи, – и скрылся за дверью своего кабинета.

«И что я такого сказала? – думала Эрика, укладываясь спать на пол у печки. – Альберт живет один, но ведь это еще не значит, что он одинокий волк. А может, у него кто-то есть? Хотя он же говорил, что планировал уехать. Интересно, как он собирается это сделать? Неужели ему удалось избавиться от долгов?»

С этими мыслями она провалилась в сон, и снился ей Альберт, который был одет в белый халат и держал в руках шприц. А потом она поняла, что вокруг нее – клетка,

под ногами – опилки, а за спиной – большое колесо, в котором ей надо бегать. Почему-то ей казалось, что если бежать достаточно быстро, удастся избежать болезненного укола. Но шприц все приближался, а глаза Альберта становились все более холодными и злыми. Когда он был уже совсем близко, Эрика закричала, но оказалось, что во рту у нее кляп, поэтому вместо крика изо рта вырывалось лишь мычание. Она побежала еще быстрее и вдруг провалилась в темноту. Эта темнота затягивала ее, опутывала руки и ноги, словно щупальцами. Эрика поняла, что это действие укола, но уже не могла ничего сделать, не могла сопротивляться. Прежде чем провалиться во тьму окончательно, она подумала, что надо срочно влюбиться.

Глава 6

Последняя неделя года почти не отпечаталась в памяти Эрики, словно была окутана туманом. Как-то незаметно на девушку навалилось все: неудавшийся поход в Лес, холодность ее спасителя, необходимость сменить место жительства и сидеть без дела. Уверенности в завтрашнем дне не было, несмотря на то, что именно сейчас она должна была появиться. У нее был покровитель, который обязан был ее содержать ближайшие три года, но что будет потом?

Эрика чувствовала себя как в плену, и каждый новый день казался ей чуть хуже предыдущего. Чуть ли не впервые в жизни она поняла, что не испытывает желания что-то менять. Точнее, она просто не ощущала в себе достаточно сил для того, чтобы что-то изменить.

От одной попытки представить себе будущее становилось невероятно грустно. Это чувство было пронизывающим, как зимний ветер, и задевало, казалось, каждую клеточку тела. Однажды оно уже появлялось в ее жизни. А за год до этого она впервые испытала то, описания чего от нее так добивался теперь Альберт.

В то время еще не были запрещены абсолютно все развлечения, и некоторые наименее подверженные д-болезни люди решались выйти на улицу, чтобы поразить прохожих своим талантом и заработать кусок хлеба или пару картофелин.

Кто-то танцевал, кто-то показывал фокусы, а он – пел.

Эрика на всю жизнь запомнила этот голос, от которого внутри все сжималось и хотелось плакать – и от радости, и от печали одновременно. Он пел грустные песни, которые сочинял сам, но каждый из тех, кто его слушал, узнавал в этих песнях себя. В этом была какая-то магия – именно эти до боли грустные песни поддерживали в людях силы и желание жить.

Невысокого роста и очень худой, он казался неуверенным подростком, но подойдя ближе, можно было заметить в его глазах отпечаток не одного десятка лет. Он выбрал для своих выступлений одну из улиц, по которой Эрика каждый день ходила в школу. Каждый раз она останавливалась, чтобы послушать хотя бы одну песню. Иногда она настолько заслушивалась, что опаздывала на уроки. Несмотря на то, что достатка в семье никогда не было, она старалась каждый раз принести уличному певцу какой-нибудь еды.

Он скоро запомнил Эрику и даже посвятил ей одну песню. Когда он пел ее, у девушки по щекам текли ручьи слез. В этой песне отражалась вся жизнь в Д-Республике, страхи и опасения, боль от потери близких и слабый огонек надежды:

Воспоминания выбивают землю из-под ног.

Я был слеп или просто увидеть не мог?

Мог ли помочь, а не слепо винить?

Видно, не все нам дано сохранить.

Все, что мы есть, – только миг,

Мелькнул – и исчез.

Еще одна звезда гаснет,

падая в Лес.

Никто не заплачет,

глядя ей вслед.

Никто, нет.

Кроме меня...

Только спустя несколько лет Эрика поняла, в чем состоит главное отличие тех песен от газетных статей, на которых долгое время строилось ее мироздание. В Газете надежда всегда использовалась как маленькая неприметная точка, с помощью которой можно было отметить несуществующее место на карте страдания. В песнях уличного певца отчаяние и безысходность порой накрывали все, словно цунами, но потом волна отступала и на опустошенном берегу распускались цветы надежды.

Пожалуй, тогда она действительно испытала что-то вроде влюбленности. Но счастливого конца у этой истории не было и не могло быть. Однажды по дороге в школу Эрика не встретила его на привычном месте. Не было его и на следующий день, и через неделю, и через две. Только потом она узнала из короткого и сухого некролога в Газете, что ее любимый певец ушел в Лес. Конечно, таких, как он, каждый год было очень много. Но именно его уход стал таким неожиданным и страшным! Когда Эрика пыталась представить его в Лесу,

висящим на одном из деревьев, ей казалось, что ее сердце медленно разрезают скальпелем. В ушах звучали его песни, вокруг все напоминало о нем. Жить стало невыносимо больно.

Тогда у нее впервые появилась мысль уйти в Лес. Тогда она окончательно убедилась в том, что в жизни действуют те же законы, что и в газетных статьях.

Надежда, вера, любовь – это крылья, которые поднимают тебя вверх над землей только с одной целью: чтобы было больнее падать.

С тех пор ей казалось, что все чувства внутри умерли. Так было намного легче жить. Но, к счастью, с тех пор жизнь и не подкидывала ей подобных сюрпризов. Она шла ровно и размеренно, но лишь до тех пор, пока не пришла пора совершеннолетия. Вот тогда Эрика поняла – дороги назад в детство нет, а впереди – лишь полный мрак и ужас взрослой жизни. Это жизнь верблюда, на которого навьючили столько груза, что у него подкашиваются ноги, но упасть он боится, потому что внизу под ногами все усеяно острыми и длинными шипами.

Воспоминания нахлынули на Эрику разом, словно кто-то махнул перед ними стартовым флажком, и они наперегонки ринулись к своей цели. На сердце было тяжело. Альберт продолжал ее игнорировать и почти не выходил из своей комнаты. Семья осталась на другом конце города, добраться туда было нелегко. Впрочем, и смысла в этом не было. По за-

кону теперь они были чужими людьми. Она не имела права больше появляться в своем старом доме, иначе и ее, и семью ждали огромные штрафы.

Погода была отвратительно серой и мокрой. Постоянно накрапывал мелкий дождик. Облака спустились так низко, что казалось, еще чуть-чуть – и они опустятся на лица людей.

Все в мире вдруг потеряло последние остатки смысла. Всю неделю Эрика провалялась в постели, не выходя из дома, Альберт лишь искоса поглядывал на нее, проходя мимо, чтобы закинуть дрова в печку или приготовить еды. Он не говорил ни слова, и Эрику это даже устраивало – больше всего ей хотелось прямо сейчас, не вставая со своей постели, тихо умереть во сне от какой-нибудь тяжелой болезни. Но дни продолжали тянуться, а жизнь не спешила покидать тело.

В один из таких одинаково серых дней Эрика лежала и смотрела в потолок, отмечая от себя любые мысли. По стенам карабкались и падали вниз тени, рождаемые пламенем свечи. Эрика так увлеклась наблюдением за тенями, что даже не заметила, как мимо нее промелькнула мужская фигура и скрылась в дальнем кабинете. А у самой ее подушки появилась плитка шоколада – неслыханное лакомство!

Эрика слышала, что производство и ввоз шоколада в Д-Республике запретили еще до ее рождения. Официальной причиной была слишком высокая стоимость. Но среди простых людей ходили слухи, что правительство Д-Республики специально запретило шоколад, так как в нем содержит-

ся некое вещество, которое повышает настроение и помогает бороться с д-болезнью. Несмотря на то, что официально Д-Республика провозглашала своей главной задачей борьбу с д-болезнью, некоторые люди начинали догадываться, что полное излечение властям не так уж и нужно. Гораздо выгоднее было поддерживать в людях это состояние и заставлять принимать подавляющие волю препараты.

Несмотря на всеобщие запреты, в страну шоколад время от времени удавалось завезти контрабандой. И однажды в детстве Эрике посчастливилось его попробовать. Заветную плитку принес домой отец, который, рискуя своей свободой, купил ее у каких-то уличных торговцев, чтобы порадовать детей.

Но тогда Эрике достался очень маленький кусочек – как старшая сестра, она отдала большую часть младшим. А сейчас у ее подушки лежала целая шоколадная плитка, от которой исходил невероятно вкусный и манящий аромат. Она приподнялась на локте и нащупала стоящую на полу свечу. Подошла к печке и зажгла свечу специально приготовленным прутиком. С этим блеклым источником света она пошла в комнату, за которой скрылась тень. Открыв дверь, Эрика окончательно убедилась, что тенью был Альберт.

– Я не разрешал тебе заходить в мой кабинет, – не глядя на нее и продолжая разбирать бумаги на столе, сказал Альберт.

– Я была уверена, что в дом вошел кто-то посторонний, –

соврала Эрика. – Какая-то непонятная тень, которая оставила мне вот это, – и она положила на стол перед Альбертом плитку шоколада.

– Не волнуйся, посторонних в доме нет. А это убери – не хочу, чтобы на моих бумагах появились следы растаявшего шоколада.

Эрика послушно взяла в руки плитку и откусила маленький кусочек. Это оказалось настолько вкусно, что она чуть не застонала от удовольствия. В тот момент она абсолютно точно осознала, почему власти запретили производство и продажу шоколада – у них действительно были на то причины. Он действовал намного круче любых д-препаратов.

Альберт отвлекся от своих дел и с некоторым любопытством наблюдал за реакцией девушки на шоколад.

– Даже не думал, что шоколад может производить такой эффект.

– Да ты сам попробуй!

– Спасибо, но я сегодня уже съел половину такой плитки, мне хватит, – покачал головой Альберт.

– Где ты его достал? Это же незаконно!

– Хватит повторять это слово, – нахмурился Альберт. – Ты уже большая девочка и должна понимать существенную разницу между законом с маленькой буквы и Законом с большой буквы. Шоколад или, например, самогон – это так, ерунда. На это власти готовы закрывать глаза, особенно в обмен на эти самые продукты. А вот все, что в Законе

связано с жизнью и ее материальной стороной, необходимо соблюдать досконально. Так что... Просто ешь и не думай ни о чем. В конце концов, такими темпами еще несколько минут – и эта плитка просто исчезнет.

Эрика тем временем действительно увлеклась и съела уже половину плитки.

– Ой! Вообще я хотела сказать тебе спасибо. Это самое приятное, что происходило со мной за... – она задумалась, – за всю мою жизнь.

Альберт хмыкнул:

– Можешь считать, что я – прожженный консерватор, приверженец старых традиций и таким образом поздравил тебя с Новым годом. Надеюсь, теперь ты вылезешь из своего одинокого кокона и начнешь рассказывать то, о чем мы договорились. И, кстати, послезавтра можешь приступить к работе.

– Правда? – Эрике на миг показалось, что мир вокруг окрасился яркими цветами, хотя еще секунду назад все было черно-белым и блеклым. – Я так... рада!

Последнее слово Эрика произнесла неожиданно для самой себя и шепотом, словно опасаясь, что кто-то услышит.

– А вот с такими словами действительно стоит быть осторожнее, – приложил палец ко рту Альберт. – Доедай свой шоколад и ложись спать, завтра с утра приступим к работе. Постарайся уже сейчас подумать, в кого ты была влюблена, в чем это выражалось и что влияло тогда на твое эмоциональное состояние.

– Ладно, – растерянно и чуть испуганно кивнула Эрика. Ей вдруг стало страшно, что она не сможет рассказать Альберту ничего интересного, и он вновь начнет ее игнорировать, а потом сделает так, чтобы ее не взяли на работу. Надо было срочно что-то придумать. Впрочем, впереди была еще целая ночь, а шоколад, по слухам, еще и помогал быстро соображать.

– Покойной ночи и спасибо еще раз, – сказала Эрика и быстро выскользнула из комнаты через полуоткрытую дверь.

– Давай-давай, – рассеянно сказал Альберт, снова склоняясь над своими бумагами.

Глава 7

На следующее утро, когда солнце только-только показалось из-за горизонта, Альберт и Эрика уже сидели за столом напротив друг друга. Альберт разложил перед собой несколько листов бумаги, на которых собирался записывать рассказанное Эрикой. Девушка нервничала – прошедшая бессонная ночь не принесла никаких гениальных идей. Она все еще не знала, о чем рассказывать Альберту. Но самое главное – она до сих пор не до конца понимала, для чего ему нужен ее рассказ. «Если бы знать, можно было хоть что-то правдоподобное придумать», – думала она.

– Итак, – начал Альберт, – я жду от тебя правдивых и максимально развернутых ответов на мои вопросы. Даже если в какой-то момент ты почувствуешь изменение своего эмоционального состояния, все равно не останавливайся, продолжай рассказывать. Я могу предположить, что наш разговор может вызвать у тебя как положительные, так и отрицательные эмоции, в зависимости от того, чем закончился твой опыт. Но ты должна понимать, что от сказанного тобой зависит во многом и твоя, и моя жизнь.

– В смысле? – Эрика удивленно посмотрела на Альберта. – Я не очень понимаю, как моя влюбленность связана с твоей жизнью.

– Это ключ. Тот, кто первым найдет ключ к восприятию

печатного текста всеми категориями людей, получит гораздо больше, чем просто деньги и власть. Думаю, ты себе просто не представляешь, какие силы управляют этим миром. А я представляю в полной мере. И очень хочу быть к этим силам как можно ближе.

– Какие силы? Ты имеешь в виду власти? Верховное Правительство?

– Неважно. У нас сейчас другая задача, так что сосредоточься. Первый вопрос: когда в последний раз у тебя проявлялись симптомы влюбленности?

Эрика замерла. Мозг начал лихорадочно соображать и внезапно нашел решение. Впрочем, оно было настолько очевидным, что потом Эрика долго удивлялась, как не додумалась до него сразу. Видимо, сказывалась характерная для этого времени года в Д-Республике апатия и заторможенность, усиленная пережитым за последние дни.

– Они проявляются и сейчас, – с серьезным видом кивнула Эрика.

– Отлично, – оживился Альберт, – значит, впечатления будут наиболее свежими. Хотя погоди... Всего пару дней назад ты валялась в постели и ничего не хотела делать. Это никак не вяжется с общей теорией о том, что влюбленность дает иммунитет от д-болезни, – он нахмурился. – Первый вопрос, и ты уже врешь? Что за дела?

– Я не вру, – опустила глаза Эрика. – Просто симптомы появились только вчера.

– Вчера? Интересно... Вообще я не планировал узнавать личность объекта твоих эмоций, но вчера ты вроде не вышла из дома, – он пристально посмотрел на нее. – Да ладно?

Но Эрика только тряхнула головой:

– Давай, поехали дальше.

Альберт пару секунд смотрел на стол перед собой, словно осуществляя невероятно сложный вычислительный процесс. А потом вновь переключился на свой лист бумаги с вопросами.

– Дальше. Какие очевидные изменения эмоционального фона наблюдаются на первых этапах состояния?

– Чего? – округлила глаза Эрика.

– Какое настроение у тебя сейчас? И как оно меняется в зависимости от времени суток?

– Нормальное у меня настроение. То есть я хотела сказать, очень спокойное, стабильное даже. Хочется все время поднимать уголки губ и растягивать их в стороны, – и она неумело изобразила улыбку.

– Это называется «улыбаться», – кивнул Альберт. – Судя по всему, в школе вас этому слову не учили. Оно было убрано из школьной программы лет десять назад. И примерно тогда же его перестали употреблять в повседневной речи. Когда-то уже за произнесение этого или однокоренных слов можно было получить штраф и увеличить сумму своего личного долга в несколько раз. Я уже не говорю о том, что в Д-Республике мало кто умеет или хоть раз в жизни испы-

тывал желание растянуть губы в улыбке. Я удивлен, что ты знаешь – как это.

– Я не знала. Просто захотелось так сделать, – соврала Эрика. Улыбаться ее научил уличный певец. Он улыбался ей, и от этой улыбки на сердце становилось удивительно тепло. Но в итоге его улыбка ничего не значила. Он все равно ушел в Лес.

– Любопытно, так и запишем, – пробормотал Альберт, быстро записывая сказанное девушкой. – Что насчет времени суток?

– Усиливается ближе к вечеру.

– Что с мыслями?

– Мысли все время привязаны к этому человеку. Ни о чем другом думать не хочется. Трудно концентрироваться на посторонних вещах.

– Смещение концентрации внимания на объект состояния, – пробормотал Альберт, быстро записывая слова девушки. – Какая эмоциональная окраска у этих мыслей?

– В смысле?

– Девочка, да ты элементарных вещей не знаешь! Мысли больше грустные, тяжелые или легкие и радостные?

– Э... радостные?

– Это ты меня спрашиваешь?

– Я просто не очень понимаю это слово. Но не грустные, это точно.

– Ладно, запишем, что радостные. Ты испытываешь при

этих мыслях прилив сил, желание что-то делать, к чему-то стремиться?

– Да-да, именно так, – кивнула Эрика.

– Значит, точно радостные. Если в этот момент ты представишь себе что-то грустное – чью-то смерть, собственное будущее в этой стране, газетные новости – что ты испытаешь?

– Я... – Эрика замерла, судорожно пытаюсь понять, что нужно ответить. Фантазия и обрывки рассказов школьных подруг помогли подыскать похожие на правду ответы на первые вопросы, но вот что касалось самого главного для Альберта – здесь начинались проблемы.

Перед мысленным взором проносились картинки ее жизни. Где, когда было хоть что-то похожее? В детстве? В школьные годы? В те счастливые месяцы, когда по дороге в школу она слушала песни уличного певца? А может быть, сейчас? Эрика посмотрела на Альберта и изо всех сил постаралась вызвать в себе теплые чувства к нему. У нее внутри тут же словно начали диалог две противоположные сущности. Одна искала, за что можно полюбить этого мужчину, другая – за что можно его возненавидеть.

Он ее спас. Он ее подставил и испортил все планы.

Он дает ей пищу и теплый дом. Но делает это далеко не добровольно – его принуждает Закон.

Он нашел ей работу. Но только после того, как она шантажом и уговорами заставила его это сделать.

Он использует ее для своих целей, которые ей не совсем понятны.

Он принес ей шоколад.

Последний фактор стал решающим, и Эрика выпалила:

– Я не испытываю абсолютно ничего по отношению ко всему этому. Оно словно перестает для меня существовать. Я могу думать только об одном, – и она явственно представила себе темный, большой и толстый кусок шоколада, который она отправляет в рот, предвкушая близкое наслаждение.

– Отлично! Теперь поговорим о частоте. Как часто могут возникать подобные состояния?

Эрика мысленно застонала – только выпуталась из одной проблемы, и тут же вторая. Ну откуда ей знать, как часто возникают такие состояния? «Ай, ткну пальцем в небо!» – решила она:

– Примерно раз в год.

– Продолжительность?

– Соответственно, год.

– Могут ли подобные состояния перекрываться? Говоря более простым языком, можешь ли ты быть одновременно влюблена сразу в несколько объектов?

Эрику как-то оскорбило, что этот высокомерный старикашка называет других людей, в которых она могла бы быть влюблена, объектами. Словно они не люди, а табуретки какие-то. «Сам ты объект!» – хотела было сказать она, но вовремя поняла, что это будет звучать очень двусмысленно.

– Я – могу! – провокационным тоном заявила Эрика. – Я вообще многое могу.

– Вообще-то это несколько расходится с другими моими данными, но практика всегда превышает теории, так что поверю тебе. Тем более что сейчас самое время перейти к этой самой практике. Я дам тебе почитать одну статью из Газеты, и ты расскажешь мне, какие эмоции она у тебя вызовет.

С этими словами Альберт положил перед Эрикой заранее подготовленную Газету, где была напечатана статья под названием «Где живется хуже, чем в Д-Республике?». Статья была вполне стандартной – она состояла из множества утверждений, которые сложно было проверить, что компенсировалось сильной эмоциональной составляющей:

«Все мы иногда задумываемся о том, как живут люди в других странах. Когда-то власти запрещали людям даже знать о том, что где-то там, за границами нашего государства, есть другие люди и страны. Но старики еще застали те времена, когда перемещаться можно было не пешком и не на велосипедах, а на более быстрых видах транспорта: автомобилях, поездах и даже самолетах. Сейчас это звучит фантастично, но факт остается фактом – сегодня мы отброшены во времени на много веков назад, и прошлые возможности передвижения нам больше не доступны.»

Мы не можем точно узнать, что там, в других государствах. Мы можем лишь смутно догадываться, смаковать рассказы наших родственников, помнящих старые времена,

передавать их слова из поколения в поколение. И вместе с тем – оплакивать свое бессилие перед обстоятельствами. Нет, нам никогда больше не узнать, что там, за далекими границами! Мысли об этом посещают всех нас, наполняя сердца грустью и скорбью.

Мало того – самые умные и образованные люди нашего государства, к сожалению, уверены в том, что ситуация будет становиться лишь хуже до тех пор, пока мы не расплатимся со всеми долгами. А потому для каждого из нас нет ничего важнее работы, которая помогает не только уменьшить сумму долга, но и ускорить течение времени.

Бесконечная жизнь нам не дана, но это только к лучшему. Страшно даже представить себе вечное страдание, которое люди заменяют словом «жизнь». Мы все прекрасно знаем, как обстоят дела на самом деле.

Чем короче жизнь, тем короче страдание.

Внимание! Прерывать жизнь искусственно в непредусмотренных для этого местах запрещено Законом».

– Что ты сейчас чувствуешь? О чем думаешь? – быстро спросил Альберт, увидев, что девушка дочитала текст до конца.

Оторвавшись от текста, Эрика вдруг с удивлением отметила, что у нее в голове словно щелкнул переключатель. Что-то внутри среагировало на ключевые слова «оплакивать», «бессилие», «грусть», «скорбь», «страдание» и тому подобные, запустив режим плохого и подавленного настроения.

Но привычные для таких случаев безнадежность и отчаяние не успели завладеть ее сознанием. Возникший в нем образ темного сладкого шоколада был настолько великолепен, что все отрицательные эмоции словно раскидало в стороны взрывом внезапного откровения: Эрика была по уши влюблена в шоколад!

– Я думаю только о своем «объекте», – улыбаясь уже более уверенно, Эрика посмотрела прямо в глаза Альберту.

– И... что ты о нем думаешь? – Альберт впервые выглядел несколько смущенным.

– Я думаю, что он прекрасен! Я думаю, что отдала бы все на свете, чтобы каждый день иметь возможность просыпаться и видеть его рядом с собой. Жизнь без него для меня теперь кажется скучной и горькой. Он – само совершенство, и на свете нет никого лучше! – выпалила девушка, улыбаясь все шире.

– Мы закончили, – быстро пробормотал Альберт, собирая свои листы в одну стопку. – Спасибо за помощь, она мне очень пригодится, – с этими словами он вышел из комнаты, оставив Эрику наедине с мыслями о шоколаде.

А еще о том, как приятно оказалось поставить на место этого высокомерного экспериментатора.

Зайдя в свою комнату, Альберт плотно прикрыл дверь и тяжело вздохнул. Общение с особями женского пола слишком выматывает. Нужно как можно быстрее найти эффективный способ воздействия на их мозг, и тогда у него по-

явится шанс избавиться от этой так некстати появившейся содержанки.

Ветер в голове, минимум знаний и максимальная склонность к выборочной концентрации внимания на объекте, благоприятном для спаривания – неужели все они такие?

«Нет, конечно, – подумал Альберт, случайно коснувшись взглядом белого конверта, на котором ровным почерком было написано его имя и адрес».

Конечно, нет.

Глава 8

На следующий день, когда Альберт пошел отдавать написанные статьи в Типографию, Эрика решила заняться уборкой дома. Несмотря на то, что в условиях холода, нехватки воды и общей разрухи было невероятно сложно поддерживать даже элементарную чистоту, жить в совсем запущенном доме не хотелось. Подметая полы и убирая из углов старую паутину, Эрика даже задумалась о том, не взять ли у Альберта несколько листов, чтобы украсить дом. Можно было на них что-нибудь нарисовать или вырезать снежинки. Сначала Эрику невероятно воодушевила эта идея, но она быстро поняла – хозяин этого дома ни за что не позволит ей изводить дорогую бумагу на такую ерунду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.